

Е.В. Литовченко

ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

308015, Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

ФУЛЬГЕНЦИЙ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ В КОНЦЕ V – НАЧАЛЕ VI ВВ.: АКТИВНОЕ БЫТОВАНИЕ ИЛИ ПЕРВАЯ РЕЦЕПЦИЯ?

// Из истории античного общества: Сборник научных трудов. - Вып. 11 / Под ред. А.В. Махлаюка. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – С. 213-220.

К концу V – началу VI вв., несмотря на то, что политические изменения в римском мире приобрели необратимый характер, а в религиозной сфере уже практически безраздельно властвует христианская церковь, в сознании многих римских аристократов-интеллектуалов продолжали сохраняться традиционные античные установки. В этот период «был жив сам дух языческой древности», который, по словам В.И. Уколовой, еще «явственно ощущается у писателей конца V – начала VI вв.»¹

Основными элементами классической традиции в том виде, в котором она сохранилась к VI в., являлись античная мифология и язычество, элементы неоплатонизма, система риторического образования и латинский язык – фундаментальная основа римской культуры. «Имперская идея» теряет свою актуальность, поскольку Римская империя как государственное образование к этому времени в прежнем виде уже не существует.

В последнюю фазу античности отдельные римские провинции живут практически самостоятельной культурной (и, в частности, литературной) жизнью. К V-VI вв. Северная Африка все еще не утрачивает своих лидирующих позиций в области культуры и образования. Здесь культивируется как родной латинский язык, а довольно долгое время не менее активно – и греческий. Многие крупнейшие церковные писатели первых столетий христианства были родом отсюда: Тертуллиан, Киприан, Лактанций, Августин и др. Из светских авторов можно назвать Апулея и Марциана Капеллу.

Вандальское завоевание не слишком отразилось на литературной деятельности римского населения (не считая резко возросшего количества панегириков новым правителям), остались незыблемыми устои риторической системы образования. Вандальские короли нуждались в поддержке римского бюрократического аппарата и правящего слоя африканского общества для организации своего господства над завоеванным населением. При Гейзерихе и его преемниках многие знатные римляне занимали различные видные посты при дворе вандальских королей, в вандальской армии и в провинциальном управлении (Vict. Vit., I, 6; 12; 14; 16; III, 4; 10). При короле Тразамунде (496-

¹ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: Наука, 1989. С. 30.

523 гг.) в Карфагене [213] было немало римских поэтов, которые воспевали в своих стихах вандальского короля и носили титул *viri clarissimi*, т.е. принадлежали к сенаторскому сословию: Луксорий, Коронат, Флавий Феликс, Драконций и др.

В зарубежной литературе даже встречается обозначение этого периода как «Вандальского Возрождения» (*Vandal Renaissance*²). Однако, внешние черты быта и культурной жизни африканского города в предшествующем, IV веке, какими они предстают в надписях и свидетельствах церковных писателей, не позволяют усмотреть признаков серьезного упадка, поэтому употребление подобного определения представляется не вполне корректным.

Обучение греческому языку и красноречию было распространено не только в Карфагене, но и в небольших городах вроде Тагасты и Мадавра, где функционируют риторские школы. Судя по религиозно-полемическим произведениям Августина, писатели «золотого века» римской литературы пользуются широкой известностью. В больших городах развивают активную деятельность различные философские школы, разворачиваются бурные философские диспуты³.

Выразителем своеобразия этого сложного исторического периода являлся римский писатель родом из Африки (г. Телепт) – Фульгенций Мифограф (ок. 467-532 гг.). Никаких подробностей о его жизни неизвестно. Работал Фульгенций в жанре комментария.

Заметим, что в отечественной историографии творчеству Фульгенция уделено крайне мало внимания⁴, тогда как в зарубежной науке труды этого позднеантичного автора уже достаточно давно являются объектом исследования историков⁵ [214].

Убежденный христианин Фульгенций в мифологии видел испытание для истинно верующего. Интерпретировать содержание мифа для Фульгенция значит, прежде всего, снять пестрое греческое прикрытие с простого смысла, выразимого на латинском языке либо как «порядок вещей» (*ordo rerum*), либо

² *Hays Gr.* Romuleis Libicisque litteris: Fulgentius and the 'Vandal Renaissance' // *Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa* / Ed. A. Merrills. Burlington, VT: Ashgate, 2004. P. 101.

³ Дилигенский Г.Г. Северная Африка в IV-V вв. М., 1961. С. 44.

⁴ Гусейнов Г.Ч. Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья: из книги латинского грамматика V-VI вв. // *Античность как тип культуры*. М., 1988. С. 325-333; *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. Сретенск: МЦ, 2000. С. 116-120.

⁵ *Amsler M.* Technical and Exegetical Grammar before Isidore // *Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Amsterdam and Philadelphia, 1989. Pp. 123-131; *Chance J.* The Virgilian Hero in North Africa: Fulgentius the Grammarian and Calliope, Muse of Epic Poetry // *Medieval Mythography. From Roman North Africa to the School of Chartres A.D. 433-1177*. Gainesville etc., 1994. Pp. 95-128; *Coffin H.C.* Allegorical Interpretation of Vergil with Special Reference to Fulgentius. *Classical Weekly*, 15. 1921. Pp. 33-35; *Edwards R.* Fulgentius and the Collapse of Meaning // *Helios*. 3. 1976. Pp. 17-35; *Ferguson T.* Misquoting Plautus: the 'Classical Curriculum' of Fulgentius the Mythographer // *Studia Patristica*. 2006. 43. Pp. 359-365; *Hays G.* Tales out of School: Grammatical Culture in Fulgentius the Mythographer // *Latin Grammar and Rhetoric. From Classical Theory to Medieval Practice*. London: Continuum, 2002. Pp. 22-47; *Hays G.* Romuleis Libicisque litteris: Fulgentius and the "Vandal Renaissance" // *Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa*. Burlington, VT: Ashgate, 2004. Pp. 101-132; *Hays G.* The Date and Identity of the Mythographer Fulgentius // *Journal of Medieval Latin*. 2003. 13. Pp. 163-252; *MacCoull L.S.B.* Notes on Fulgentius // *Mediterranean Studies*. 1999. 8. Pp. 31-38; *Whitbread L.G.* Fulgentius the Mythographer / Introduction // *Fabius Planciades Fulgentius. Opera*. Columbia: Ohio State UP, 1971. Pp. 3-13.

как «житейская мораль» (*hominum vitae moralitas*) – подножие подлинной истины, на языке которой говорят с ним Тертуллиан, Иероним или Августин ⁶.

В произведениях Фульгенция нет былого римского общеимперского патриотизма, который с большой силой выражен в стихах александрийца Клавдиана и галло-римлян Рутилия Намациана и Аполлинария Сидония. Фульгенций даже резко отзывается о Риме. Он был вполне твердым христианином и считал свои рассказы о языческих богах баснями, которые следует понимать аллегорически ⁷.

До нас дошло сочинение Фульгенция «Три книги о мифологии» (*Mitologiarum libri III*), в котором он объясняет "подлинный и реальный" смысл древних мифов в мистико-аллегорической манере.

Образцом для книги Фульгенция послужил «Брак Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы. «*Mitologiarum libri III*» построена в форме беседы автора с Музами. Интерпретацию мифов он вкладывает сначала в уста музы Каллиопы, а также аллегорических образов Философии и Урании, которым предстоит передать ему «мистический смысл» (*sensus mysticus*) мифологии. Но в дальнейшем Фульгенций отступает от этого композиционного приема и вначале сам кратко излагает миф, затем часто прибегает к фантастичному, абсурдному этимологизированию, объясняя "подлинный" смысл мифа.

Один из зарубежных исследователей творчества Фульгенция, Брэдфорд Грегори Хэйз, считает, что базирующиеся на античных риторических моделях аллегии и этимологизации Фульгенция свидетельствуют отнюдь не о пришествии средневековой эпохи. Г. Хэйз утверждает, что цель Фульгенция не религиозная, а литературная. «Одним из главных его достижений было создание уникального латинского стиля, в основу которого положено подражание, с одной стороны, прозаическому мастерству Апулея, с другой, христианским авторам, таким как [215] Тертуллиан, и классическая риторика. В «Мифологии» и «О значении Вергилия в свете философии» его цели сопоставимы с целями Макробия и Марциана: передать знакомый материал (имеются в виду мифы) в форме занимательных рассказов»⁸.

Тем не менее, сам Фульгенций свою главную задачу видит в том (и здесь ему помогает знание греческого), чтобы из-под внешнего оформления греческого мифа извлечь рациональное латинское содержание. Так, уже во введении писатель совершенно четко дает понять, с какой целью затевается его обширное исследование: «Я-то надеюсь найти для всех этих вещей точное воплощение, чтоб, похоронив баснословие лживой Греции, уразуметь, в чем же их мистическая сердцевина» (I, Intr.).

По мнению Фульгенция, единственное оправдание мифологии в том, что хотя она и является вздором, однако же, нет такого вздора, который не был бы полезным испытанием для христианина, и на всякий вымысел есть своя

⁶ Гусейнов Г.Ч. Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья: из книги латинского грамматика V-VI вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 326.

⁷ Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. Сретенск: МЦ, 2000. С. 118.

⁸ Hays Gr. Fulgentius the Mythographer: An Annotated Bibliography / Online. <http://www.people.virginia.edu/bgh2n/fulgbib.html>.

правда. Вся мифология является, следовательно, инобытием морали и природы и как таковая вполне заслуживает разгадывания и истолкования⁹.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что цели Фульгенция не только, и не столько литературные, сколько философско-религиозные. Фульгенций, как и многие интеллектуалы поздней античности испытал довольно сильное влияние неоплатонизма, поэтому, наряду с христианской моралью, его произведения пронизаны мистическим духом этого философского течения.

Содержание каждого мифа Фульгенций соотносит со списком пороков и добродетелей, приводя свои морализаторские рассуждения к нужному ему логическому выводу, часто совершенно искусственному. Следуя своей цели, он допускает множество ошибок и неточностей, вполне вероятно, что сознательным образом. В басне «О девяти Музах» Фульгенций утверждает, что «девять Муз – это образы учения и знания», и далее перечисляет все девять Муз, придавая каждой из них совершенно фантастическое значение. Например, Терпсихора – Муза танца – мыслится им как находящая усладу в поучениях, а Урапия – Муза астрономии – как небесная, что означает «рассудивши, выбери, что сказать, а от чего отплеваться, ибо уметь выбрать полезное и отшвырнуть негодное, – это небесный дар». Результатом такого толкования становится вывод об «истинном» назначении муз: «Итак, порядок будет такой: во-первых, [216] испытать желание к учению; во-вторых, насладиться тем, чего желаешь; в-третьих, отдаться тому, чем наслаждался; в-четвертых, овладеть тем, чему отдаешься; в-пятых, помнить, чем овладел; в-шестых, найти в себе самом подобие тому, что запомнил; в-седьмых, оценить то, что нашел; в-восьмых, отобрать то, что оценил; в-девятых, показать то, что отобрал, во всем его совершенстве» (I, 15).

Наряду с этимологизацией Фульгенций пользуется и более изысканным приемом извлечения морали для басен-мифов: он помещает мифологический образ, сюжет или мотив в окружение «поверхностной» (античной) и «вскрывающей истину» (библейской) цитат для подтверждения своей правоты и для придания своим морализаторским толкованиям христианского оттенка. Так, Фульгенций пишет (II, 9): «Мы понимаем Прометея, как *pronoian theou* («божественный промысел»). Из этого предвидения и Минервы (как из небесной мудрости) возник человек. Они доказывают, что божественный огонь есть божественно одухотворенная душа». С точки зрения средневекового монотеизма если и нужно было находить положительные черты в языческой древности, то Прометей действительно мог рассматриваться в качестве символа божественного промысла, который проявился в создании людей и в даровании им культурной жизни. С такой точки зрения весь трагизм деяния Прометея уже отходил на задний план¹⁰.

По мнению И.Н. Голенищева-Кутузова, бессмысленные этимологии Фульгенция, его темные толкования, страсть к иносказаниям, отсутствие художественного чутья и «придурковатость» возмущают классических

⁹ Гусейнов Г.Ч. Там же.

¹⁰ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд. испр. М.: Искусство, 1995. С. 279.

филологов. Фульгенций, по отзыву М.Шанца, « ein geschmackloser, alberner Autor» (безвкусный, нелепый автор) ¹¹.

Но установка Фульгенция не только определила характер его собственных сочинений, она обусловила и то громадное влияние, какое оказал этот автор на всю средневековую традицию истолкования античности. И даже скромные литературные достоинства не мешали ему быть (вплоть до XIV в.) одним из главных авторитетов в области мифологического комментария: «Фульгенцием» называлось почти всякое мифографическое сочинение, подобно тому как в «Донатах» числилась всякая грамматика ¹². Фульгенций оказал большое влияние на ватиканских мифографов; в особенности актуальным в эпоху средневековья и Ренессанса было сравнение *Энеиды* с человеческой жизнью ¹³ [217].

Как грамматик, получивший классическое образование в риторской школе, Фульгенций пользуется всем набором риторических приемов: цитирование греческих и римских авторов, следование стандартам басенного жанра, чрезмерное употребление редких латинских выражений и архаизмов.

Подводя итог нашим рассуждениям, попытаемся воссоздать ментальный образ Фульгенция, человека на перекрестье двух эпох, и ответить на вопрос, каким образом воспринимать его творчество – как активное бытование классической традиции или, все же, как образец первой рецепции¹⁴?

Природа творчества Фульгенция и, соответственно, его восприятие исследователями двойственны, поскольку, по словам Марка Амслера, одного из исследователей грамматики поздней античности, «...он стоит между христианской литературой и языческим воспитанием..., и его сочинения вызваны желанием возродить интеллектуальные образцы Империи посредством изложения грамматики»¹⁵.

В IV-V вв. отношение христиан к античному мифологическому наследию становится весьма прагматичным. Общие тенденции, отражавшие взгляды на значение и степень приемлемости языческой культуры, сообщаются, в частности, в «Климентинах». Один из персонажей произведения говорит об истинах, «скрытых в мифологии древних под покровом вымыслов» (X, 29), и сопровождает свою мысль примерами аллегорических толкований. Следствием этих рассуждений является вывод: «Когда заложены твердые основы истины в соответствии со Священным писанием, тогда можно без опасения, чтобы все больше утверждать ее в умах, воспользоваться знаниями и искусствами, которые составляли предмет изучения в детстве» (X, 41)¹⁶. Толкования античных текстов Фульгенцием, несомненно, подтверждают данное положение.

¹¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Там же.

¹² Гусейнов Г.Ч. Там же.

¹³ Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. Т. 3. С. 1607.

¹⁴ Рецепция (лат. *receptio* – принятие) - заимствование и приспособление данным обществом социальных и культурных форм, возникших в других обществах и в другую эпоху / http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social.

¹⁵ *Amsler M. Technical and Exegetical Grammar before Isidore // Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam and Philadelphia, 1989. P. 124.*

¹⁶ Фрейберг Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Византийская литература. М., 1974. С. 10.

Итак, морализаторство Фульгенция и его подчеркнуто отрицательное отношение к языческому наследию «в чистом виде» убеждает нас во вполне средневековом восприятии последнего писателем. Он считает себя уже вполне обособившимся от античного прошлого христианином, лишь возрождающим старые культурные установки. Основываясь на данном суждении, можно было бы квалифицировать труды Фульгенция как попытку первой рецепции.

Однако же, здесь очевидно и влияние идей неоплатонизма, выражающееся в склонности к этимологизированию и бесконечным аллегориям. Кроме того, сюжетной основой произведений Фульгенция выступают [218] древние мифы, а в качестве средств трансляции используются латинский язык и риторические приемы в подражание лучшим классическим традициям. Причем, эти элементы настолько ярко выражены в его творчестве, что представляется, будто античные ценности вовсе не забыты, не возрождены вновь, а продолжают свое активное бытование в сознании автора.

Несмотря на то, что в государственно-политическом аспекте в этот период в Средиземноморском мире формировался раннесредневековый порядок, многовековая культура античности все еще составляла ментальную основу личности, и Фульгенций является отнюдь не единственным тому подтверждением.

Например, в произведениях Нонна (V в.), египетского грекоязычного христианского поэта, наряду с евангелическими (переложение «Евангелия от Иоанна») использованы античные мифологические сюжеты («Деяния Диониса»), за образцы сознательно берутся и Гомер, и трагики, и эллинистические поэты, и авторы романов¹⁷. Для Нонна, однако, как и для Павлина Ноланского, характерен, по словам С.С. Аверинцева, избыток напряженности¹⁸, накал борьбы между старыми и новыми взглядами, тогда как для Фульгенция это уже отшумевшая битва, он созерцает античное прошлое совершенно спокойно, глазами твердого христианина.

В творчестве Драконция (2-я пол. V - нач. VI вв.) – поэта вандальской Африки, параллельно, не смешиваясь, также сосуществуют две традиции – античная («Римские песни» (*Romulea*)) и христианская («Хвала Господу» (*Laudes Dei*)).

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на принятие христианства большинством населения к началу VI в., светский образ жизни, занятия литературой и философией или государственная служба оставались питательной средой для сохранения традиционного мировоззрения. По словам Эдвина Хэтча, крупного специалиста по античной культуре, «...это была эпоха великой литературной активности, гордившаяся своими древними памятниками и посвящавшая значительную часть своей деятельности попыткам интерпретировать их и подражать им...»¹⁹

¹⁷ Касьянова М.И. О соотношении сюжета и фабулы в I песне поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» // Бюллетень. Номер шестой. Конференция «От Гомера до Нонна» / <http://losev-library.ru/index.php?pid=4227>

¹⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / История всемирной литературы. Т. 2. М., 1977. С. 343-344.

¹⁹ Hatch E. The Influence of Greek Ideas on Christianity. New York, 1957. P. 13-14;

Заметим, что стимулом к поддержанию и сохранению античного наследия, безусловно, являлось и варварское окружение, в данном случае, вандалы. У населения бывших римских провинций, воспитанного в духе лучших риторических традиций, возникало естественное желание противопоставить [219] варварским обычаям утонченную культуру и римские ценности, хотя бы на страницах литературных произведений. В данном случае мы разделяем мнение М. Амслера о том, что «...к V веку светские риторические каноны были скорее поддержкой, чем угрозой для многих христиан-интеллектуалов, каковым являлся и Фульгенций, живших на последних римских территориях, завоеванных вандалами и другими варварами...²⁰»

Таким образом, Фульгенций являл собой типичный образец интеллектуала поздней античности, для которых цели жизни и деятельности определяло христианство, а ментальные основы личности базировались на классических античных установках.

Определяющим качеством творчества Фульгенция является, на наш взгляд, амбивалентность²¹, т.е. двойственность, противоречивость. Его наследие содержит противоположные элементы, старые античные и новые средневековые, позволяющие трактовать труды Фульгенция как продолжение классической традиции и, одновременно, как первую рецепцию, отвечающую целям вполне христианским [220].

E.V. Litovchenko
Belgorod State University

FULGENTIUS AND THE CLASSIC TRADITION IN THE LATIN WEST IN THE END OF V-th – THE BEGINNING OF VI-th CENTURY A.D.: THE ACTIVE EXISTENCE OR THE FIRST RECEPTION?

This article is dedicated to one of the aspects of transitional historical epoch – the Late Antiquity. The research shows the up-to-date treatment of the late Latin author commonly known as Fulgentius the Mythographer, who belongs within a specific cultural milieu, that of Vandal Africa, and has much in common with writers like Martianus, Dracontius, and the poets of the Latin Anthology.

The mythographers of late antiquity, including Fulgentius, recast ancient heroes for their own purposes. Through various allegorical methods, he aimed to demolish the old understanding of the pagan texts and replace them with radically different Christian interpretations.

However, F's works discusses as a product of the late antique educational system. Fulgentius' allegories and inveterate etymologizing are based on ancient models. For the translation of the classic tradition Fulgentius used a set of elements, such as classical Latin, the mythological plots and the rhetorical technique.

Fulgentius influenced upon the medieval writers who found him a valuable link between the Christian and pagan worlds.

²⁰ *Amsler M. Ibid. P. 130.*

²¹ С позднелат. *Ambivalentus* - двойственный < лат. *Ambi* - кругом, с обеих сторон, *valentia* - сила, крепость.

The author is coming to a conclusion, that Fulgentius' interpretation is situated ambivalently on the threshold between Christian literacy and pagan paideia.